

2. См 132

№ 157245 (17)

СВѢТЪ ХРІТОВЪ ПРОСВѢЩАЕТЪ СВѢТЪ И. М. У.

БИБЛИОТЕКА
И. М. У.

Американскій Православный Вѣстникъ.

„Russian Orthodox American Messenger”

Подписная цѣна на годъ: 24 выпуска 3 дол. (6 рублей).

TERMS OF ANNUAL SUBSCRIPTION: 24 issues — \$3.00.

Отдѣльные номера по 15 ц. Issued semi-monthly, every 14-th and 28-th. Single copies at 15 cents.
Rev. A. Hotovitzky, Publisher. 15 E. 97th St. N. Y. City

Entered at the Post Office as Second Class Mail Matter.

No. 15. Vol. XV. — NEW YORK, AUGUST 14, 1911, 1 августа 1911 г. No. 15.

The American Book of Common Prayer

From the Editor.—In view of many requests of our American readers, we reprint below the Report, to which refers in his Philadelphian address His Grace, The Most Reverend Archbishop Platon.

A Report read before a Committee appointed by the Holy Synod for the study of the Old Catholic and the Anglican questions.

The Report we now offer to the attention of our readers is the result of the work of several members of a Committee which the Holy Synod appointed to investigate the

chances of a union between the Orthodox Church of the East and the Anglicanism as well as the Old Catholicism. These members have examined the Book of Common Prayer in its American edition and their Report was composed from the Orthodox point of view.

The Report is chiefly concerned with rites which the Anglicans also acknowledge to be Sacraments, or at least such of the Anglican rites which in a measure correspond to the Sacraments of the Orthodox Church. Further the Report is concerned

with other services and prayers which are to be found in the Book.

I. *The Order for the Administration of the Lord's Supper or Holy Communion.*

1. The first question a man brought up in eastern orthodoxy is sure to ask concerning the Order of the Holy Communion is as to the clearness and precision with which the Order expresses the belief in the transubstantiation of the consecrated gifts into the Body and Blood of Christ — the very corner stone of the orthodox Liturgy. In this the orthodox point of view can not be entirely satisfied with the Book of Common Prayer. Leaving the English Order out of question, we find that the American Invocation also speaks only of "blessing and sanctifying, with thy Word and Holy Spirit, these thy gifts and creatures of bread and wine". As to the transubstantiation it is mentioned in the vaguest way, which allows many interpretations: "that we, receiving them according to thy Son our Saviour Jesus Christ's holy institution, in remembrance of his death and passion, may be partakers of his most blessed Body and Blood".

In order to see all the indefiniteness of this expression it is enough to compare the Order of Communion with any of the church Liturgies, even with the Liturgy of Basilus the Great which is especially cautious in all its expressions concerning transubstantiation and which speaks about the communion of bread directly after transubstantiation ("us, who now commune from the one bread and cup..."). Even if we do not take into consideration the expression "having transubstantiated by thy Holy Spirit", which was evidently added to the text at a later epoch, perhaps, in order to compare with the Liturgy of John Chrysostom, we still invoke the Holy Spirit not only that the

gifts should be "blessed and sanctified", but also to make "the bread into the very precious Body of our Lord, God and Saviour Jesus Christ, and this holy cup into the very precious Blood of our Lord, God and Saviour Jesus Christ, which was shed for the life of the world".

2. The second important feature of the Orthodox Liturgy is the belief that the Eucharist is an oblation for the living and the dead. This belief is expressed with an uncompromising clearness in our Offertory as well as in the prayer "No one is worthy", which, prefacing the Sacrament, offers a clue for the understanding of other passages, which may be appear to us less clear and precise, if taken each separately. The matter stands very differently in the Book of Common Prayer. The American Oblation says that by offering the holy gifts to the Divine Majesty we celebrate the memorial his Son hath commanded us to make. But the Communion says nothing, either in this passage or in any other, concerning the sacrificial significance of this offering. We may find some likeness between our *Proskomidia* and the Offertory, as the latter has preserved the prayers for the living and even some allusion to the dead, yet it in no wise mentions the gifts, that are laid down on the table at this precise moment, speaking only about prayers, offerings and alms, if they happen to be collected at this time.

In the American Book of Common Prayer, however, the Invocation is followed by the prayer: "And we earnestly desire thy fatherly goodness" etc., in which we find the "whole Church" of God mentioned and the prayer that God should "mercifully accept this our sacrifice of praise and thanksgiving". But we must not forget that in the English edition this very prayer follows the Communion being used as a thanksgiving for it, and this will show us how vaguely it mentions the sacrificial signifi-

cance of the Sacrament, all the more so that the Book of Common Prayer applies the name of "sacrifice of praise and thanksgiving" to any prayer, expressing gratitude, as for instance the prayer to be used at Sea: "O most blessed and glorious Lord God" etc.

Of course, we may be given the example of several very ancient Liturgies, in which the idea of the transubstantiation and of the sacrifice is expressed just as vaguely. Such are the Gallican, the Mosarab and the Western Roman Liturgies, and especially the Ethiopian text of the Apostolic Regulations (concerning the transubstantiation and the sacrifice), which lacks even the slight allusion to the Body of Christ that we find in the Anglican Order of Communion. But to this we may reply that

a) All that is vague in the consecration of the gifts of the Roman, Gallican and Mosarabian Liturgies is made quite clear by some other of their passages, by the offertory, for instance, or by the communion itself which speaks about the "union of the Body of Christ — *conjunctio*", in other words which clearly gives to the elements the name of the Body of Christ.

b) All these Liturgies, not excepting the Liturgy of the Apostolic Regulations, obviously differ from the Anglican Communion service when they speak about the fruits of communion. Once the transubstantiation took place and the gifts have become the Body and Blood of Christ, it becomes obvious that an orthodox person could not pray, when receiving the gifts, that together with them he should also receive the Body of Christ, which has already been given to him. Therefore, he prays for the fruits of the partaking of the Body and Blood: the sobering of the soul, the forgiveness of sins, the consecration. He also prays that the partaking of the Body and Blood should not become for him the cause of his

being judged and condemned. This is what we find in all Liturgies. Yet the Book of Common Prayer prays for the partaking of the Body and Blood as if it was something which was to follow the partaking of the gifts. It seems as if this would imply that the gifts and the Body and Blood are by no means identical for the communicant. If we have no sufficient grounds to take this for an open denial of the doctrine of transubstantiation, we equally have no grounds to take it for a clear and direct acceptance of this doctrine.

c) It is very important that we should not forget that in the Primitive Church the Eucharist was not a debatable question, that this Church never gave any one any cause to doubt her sound belief in the Eucharist.

The Book of Common Prayer has to reckon with a wide spread dissent concerning this question. Moreover, it belongs to a church which clearly professes a protestant doctrine, both in its catechism and in its symbolical books. A document of this origin and of this epoch ought to be as definite concerning this question as the ritualistic documents which treat of the Holy Trinity, the two wills in the person of Jesus Christ and other subjects, which were all important at the respective epochs of these books.

II. The Consecration of Bishops and the Ordination of Priests and Deacons.

Next comes the question whether the ordination of the members of the church hierarchy, as prescribed by the Book of Common Prayer, can be considered in accordance with the elementary conditions which make the Sacrament effective. This question has been made clear enough by a whole literature that was written concerning it in Russia and abroad, and an affirmative answer can be considered well founded. The essential parts of the Sacrament of the Holy Orders, considered strictly necessary

by the Russian Church, namely the laying on of hands and the prayer of the Bishop, are contained in the Anglican Order, and the prayer satisfy the *minimum* of our requests established on the grounds of the comparative study of the Orders of Consecration, which the Church considers satisfactory.

But though expressing no unorthodox views concerning the hierarchy and the Holy Orders in any direct manner, the Anglican Sacrament bears many indirect signs and traces of a religious manner of belief, which differs from the orthodox. Even such purely superficial peculiarities as defining the priesthood as the service of, *the word and the sacraments*, or the placing of the preaching of the word of God above all other functions, expressed by the handling of the Bible during ordination of all the degrees, bear clear witness that this ritual arose on a very different dogmatical soil. Moreover, if we examine the Ordinal's historical origin or compare it to the Roman Pontifical, its peculiarities will become only the more apparent and most probably we shall discover other peculiarities we have overlooked on first examination. We have examined the changes the English Ordinal has introduced into the procedure of the Holy Orders and also the influences which have worked the change; and we have come to think that the new Ordinal was established not only because the old Roman Catholic one was too complicated and had too many later additions, but also because the beliefs concerning the Holy Orders have changed, because the ideas, which were at the foundation of all the later additions and partly of some of the original parts of the ancient Ordinal, have to be doubted and denied.

1. The Roman Catholic doctrine concerning the priesthood grew out of the ruling idea of sacrifice, and the superior dignity of

the priests, as well as their fundamental difference from the lay people, rested just on this idea. The Sacramental significance of the act of consecration was likewise founded on the same idea, as the "*character indelebilis*" expresses one power or another in regard to the Eucharist oblation. This power found an especially graphic expression in the ordination of priests. And it was this point around which the change of the belief was originally started. The new idea of the Eucharist, which took away from it its sacrificial character, was followed by a corresponding change in the idea of the nature of divine ministry, which refused to see in it a sacrificial function. It is not groundless to think that it was this change in the idea of the Eucharist that brought about the change in the Ordinal. In the new Ordinal we find no imperative formula, which imparted to the priest "the power to offer the sacrifice to God and to perform masses for the living and the dead"; we find no reference whatever to this power, not even an allusion similar to the one contained in the expression *sacerdotium*, when the altar is mentioned. All this is equally true concerning the Ordinal of priest, deacons and bishops. That such a neglect could not have happened by a mere chance is quite sufficiently proven by the very point of view of Archbishop Cranmer concerning the Eucharist, shared by this great leader of the Reformation, who might also be the author of the Ordinal, and his nearest coworkers. Consequently, it would seem as if the Anglican Ordinal of the Holy Orders was meant to express an idea of the priesthood, which excluded the power to consecrate and offer the bloodless sacrifice.

2. As soon as the Roman Catholic ideas of the priesthood were repudiated, the way was clear for the purely protestant ideas on the subject. The Reformation influence

of Switzerland received a strong hold over England in the reign of Edward VI. Archbishop Cranmer as well as all the bishops who shared his ideas were in close intercourse with the protestant leaders of the continent and took their advice in the affairs of the Church, and amongst others in the ratification of the Prayer Book. The formulation of the new Ordinal was influenced by a suggestion of one of the continental reformers, Martin Bucer, which can be found in his book "*De ordinatione legitima ministrorum revocanda*," and which though acknowledging the "three grades of priests and curators of the Church", sees no essential difference between them and offers only one formula for the consecration of all the three. In view of these relations between the English reformers and the continental protestants who certainly abolished the Episcopal order and the doctrine of the apostolic succession of grace, it is only natural for us to wonder as to the exact position of the Anglican Ordinal in regard to the hierarchical grades and the sacramental character of their ordinations. The Anglican Church expresses its attitude towards the three grades of the Church hierarchy, it has preserved, in the Preface to the Ordinal. It claims as a historical fact, that ever since the days of the Apostles there existed in the church of Christ the following three grades of ministers: bishops, priests and deacons. But it does not establish the dogmatical significance of such an order, neither does it acknowledge its divine origin. The same tone is preserved when it says that, in view of the high honor in which the above named offices were always held, no one ever dared to fill them without having been called, tried and admitted by the legal authorities through prayer and the laying on of hands. Consequently, once more, it is not the dogmatical necessity of the episcopal consecration,

which is thus established, but the historical fact of the clerical dignity being so honorable that no man could be allowed into the church hierarchy "by his own private authority 1550", without the customary prayers and the laying on of hands. As to the existence of the three clerical grades in the future we find a statement, that these grades should continue to be revered in the Anglican Church no man can be considered truly a Bishop, a priest or a deacon of the Anglican Church unless he was called, tried and admitted to fulfill one of these functions in accordance with the Ordinal. In this statement we do not find any unconditioned acknowledgement of the three grades of the church hierarchy and strictly speaking it seems to us that the necessary condition of the episcopal ordination is claimed here only for the Anglican Church and not for all the churches. Thus the question is limited to the empirical side alone and to the boundaries of England, which can be explained by the practical character of the Ordinal, which concerned itself with the building up of its own church never looking deep in the dogmatical principles. But it is also possible to draw the conclusion that the formulators abstain from any unreserved dogmatical statements for fear of condemning the protestant denominations on the continent, preferring to keep to the point of view of the jurisdiction and not of the dogma. In the future an indefiniteness of this kind in a matter of principle and the holding to a legal point of view would facilitate for the Anglican Church the acceptance of presbyterian ordinations, which did take place in the course of its history. It also facilitated the forming of the intention (1869) to acknowledge the members of foreign clergies without repeating the laying of hands, or at any rate after an especially simplified Ordinal, and to accept the English clergy of Presbyte-

rian ordination after a conditional laying on of hands, which was agreed upon. One would be justified in taking this indefiniteness for one of the manifestations of the "comprehensiveness", which the Anglicans themselves acknowledge to be a characteristic of their creed and which tries to reconcile different points of view, avoiding to be consistent in any direct way.

The prayers of the Ordinal do not take away anything from the vagueness of the Preface's statements. They state that God established the different grades of the servants of the church, that Christ sent into the world his apostles, prophets, evangelists, teachers and pastors. But this last sentence, though quoted from the Apostle (1 Cor. 13, 28) does not necessarily mean that the grades of Bishops, priests and deacons alone were divinely established. Quite the contrary this sentence can very naturally be interpreted as Calvin interpreted them, seeing in them an indication that there are only two permanent offices in the church: the office of the pastors and the office of the teachers, the duties of the former consisting in officiating in the churches, in preaching the Gospels and of administering the Sacraments, and the duties in the teachers being restricted to the interpretations of the Scriptures.

And though the formulators of the Ordinal did not fully accept the form of the ordination recommended by Buzer, but composed an especial form for every grade, it would seem to us, that they did not especially try to define the difference between the grades, which would place the dogmatical significance of this threefold hierarchical order above any doubts. In this they did not follow the example of the Roman Pontifical, which is so firm and so definite that the strict difference between the grades could be established alone by the comparison it draws between the bishops, priests and deacons and the arch-

priests, the priests and the levites in the Old Testaments, and the Apostles, the 70 disciples and the deacons in the New Testament. Before the ratification of the Book of Common Prayer in 1662, it made still less difference between the three Ordinals (in the trials), which was probably due to the work of Buzer being their common source. In these days, the imperative formulas did not mention the grade of the man who was ordained, and the same Gospel (John X, 1-16) was read whether it was a priest who was ordained, or a bishop who was consecrated.

Thus, the Anglican Ordinal does not satisfactorily express the idea of the divinely established threefold church hierarchy, which admits the possibility of this idea being given a protestant interpretation; also it would not be entirely groundless to suppose, that this vagueness was intentional on the part of the formulators.

3. It is impossible to overlook, in the Anglican Ordinal, a certain slackness in representing the action of grace in the act of the Holy Orders, if we compare it with the Roman Catholic Pontifical, which in our eyes, is the inevitable result of the denial of the sacrificial power of the Holy Orders. This is especially true in regard to the ordination of deacons, for outside the litany, which is common to all the three grades and which prays that "grace" should be poured on the ones ordained, there is no mention of the gift of grace or of the Holy Spirit either in the prayers, which only ask for virtues the ones ordained need for their ministry, neither in the imperative formula, connected with the laying on of hands and conferring the dignity of a deacon. The imperative formulas and the prayers of the others two Ordinals bring forward the idea of grace and of the Holy Spirit being bestowed on the ones ordained or consecrated, but this grace is not speci-

fied as strictly characterizing the church hierarchy and establishing both the difference between the clergy and the laity and the Sacramental importance of the act of Ordination. In this the utterances of the Roman Pontifical concerning the *gratia sacerdotales* are very different. Yet this peculiarity can not be given a decisive importance, because the power to condemn or to absolve, conferred on a man by the gift of the Holy Spirit, may be understood precisely in the sense of hierarchical grace properly speaking.

The American Ordinal seems to offer the formula "Take thou Authority to execute the Office of a Priest etc." to be a worthy occasional substitute for "Receive the Holy Ghost for the Office and Word of a Priest etc.", a sentence which, in the English formulary of the priest's ordination, accompanies the laying on of hands and was evidently judged by the formulators to be essential. From this it would seem, that the American Ordinal shows still less eagerness concerning a more forcible expression of the idea of grace in the ordination of a priest, than the English. That the formula "Take thou authority etc." which does not mention the gift of the Holy Ghost, is not quite the equivalent of "Receive the Holy Ghost etc." is shown by the fact, which was alluded to above, that in 1689 the English Church intended to use the former formula when foreign clergy were received into the English Church as such and a new laying on of hands was to be dispensed with.

(To be concluded.)

«0»

Въ Обители.

Къ празднику 13 Августа. *Мая*

Не привелось мнѣ лично участвовать въ торжествахъ монастырскаго отпуста, 17/30 Мая, въ этомъ году. Увы, въ этотъ день, вмѣсто прекраснаго воодушевляющаго зрѣлища ты-

сяной массы, паломниковъ-богомольцевъ, пришлось мнѣ вмѣстѣ съ нѣкоторыми изъ собратьевъ своихъ созерцать дикую толпу униатскихъ радикаловъ, какое-то отчаянное собрание головорѣзовъ на такъ называемомъ вѣчѣ въ Троѣ... Вмѣсто чудныхъ церковныхъ мелодій, проникавшихъ въ обители въ душу каждого участника отпуста, пришлось слушать неистовый ревъ людей, потерявшихъ всякій стыдъ и совѣсть, и заглушившихъ въ себѣ, при помощи своихъ духовныхъ руководителей, униатскихъ ксендзовъ и венскихъ перевертовъ въ родѣ Волощука, послѣднее сознание русскости... Вмѣсто проповѣдей, поученій, наставленій Архиаствырскихъ и паствырскихъ, пришлось слушать «безумные глаголы» ничѣмъ необуздываемой орды, готовой п кулаки пустить въ ходъ, по наученію своихъ коноводовъ...

И подло же вели себя эти ихъ духовныя руководители! Сами хвастали, сами кричали: «устройте вѣче, мы покажемъ, что такое православная церковь»!.. А устроили православные, и попки-радикалы какъ въ воду капнули, а перевертень Волощукъ даже больнымъ сказался и на семь замковъ занеря. И только послѣ слѣдъ ихъ всѣхъ отыскали: во время вѣча, чтобы сорвать его и православнымъ «бесѣдникамъ» слова не давать, свое храброе воинство они изъ за угла паускивали и бочками пива опазивали... Ай, да ксендзы!..

Но нѣтъ... Противно писать даже и вспоминать о ихъ мерзости. Десятками лѣтъ бросаютъ они отраву духовную въ народъ, изувѣчили его морально, озлобили, ожесточили, кинули его въ добычу пресвитеріанамъ, баптистамъ, вытравили все лучшее, присутствующее русской душѣ! Не печислить всей ихъ мерзости, какъ не вычерпать моря глубокаго!

А въ монастырь бы поѣхалъ, сколько радости почерпнулъ бы! Говорятъ, въ этомъ году, какъ никогда еще, собраніе многолюдно было и все такъ успѣшно прошло, такъ люди

всѣмъ освѣтливлены были, что дай Богъ и на многія лѣта! «Отпустъ» теперь уже пріобрѣлъ, такъ сказать, свое собственное мѣсто среди праздниковъ Американской Православной Руси. «17 мая» — такъ уже всѣ и знаютъ, что въ обители праздникъ. За долго готовятся, устроятъ по соглашенію съ желѣзнодорожными компаніями дешевой проѣздъ паломникамъ, запасаютъ припасовъ.... И въ день торжества не отличись главной площади монастырской въ Пенсильваніи отъ нашихъ русскихъ обителей на родинѣ... Колокола звонятъ, мелькаютъ хоругви, раздаются вездѣ пѣнопѣнія, въ храмѣ и подъ небомъ открытымъ совершается божественная литургія, въ сторонкѣ, не въ часы службы, слышны псалмы доморожденных лириковъ, группы богомольцевъ, по селамъ своей родины подѣлившись, оживленно бесѣдуютъ, воспоминаніями о своемъ краѣ дѣлятся... Могилки цвѣтами украшены, за «батька Руси Американской» протоіерея Алексія, и рядомъ съ нимъ почивающаго іерея Владиміра, и всѣхъ усопшихъ и здѣ и повсюду, молитвы нескучно къ небу возносятся... А тамъ церковная процессія, первосвятителемъ Американской Церкви возглавляемая, со всѣмъ множествомъ богомольцевъ вокругъ монастырскаго храма шествуетъ, къ рѣчкѣ для освященія воды отправляется, Сиротскій Пріютъ посѣщаетъ!.. Какъ хорошо! Поглядишь на небо синее, послушаешь пѣсни вольныхъ пташечекъ, вдохнешь этотъ ароматами полей и листвы древесной напоенный воздухъ, — вѣкъ бы здѣсь стоять, очарованный...

Что дальше, то легче народъ дорогу въ нашъ монастырь православный находить. И въ рядовые дни, все чаще здѣсь паломника встрѣтишь. Не придетъ онъ сюда зимой чрезъ сугробы высокіе, чрезъ снѣга глубокіе, замететь его вихремъ-бурею, но лишь солнышко весеннее попригрѣетъ землю-матушку, зазеленитъ ее травкой свѣжею, пообсушитъ всѣ тропиночки — а дорога то овражистая! —

пѣть—пѣть, и ползлась отъ далекой станицы богомольная душа русская: святынямъ поклониться, въ храмѣ Божіемъ помолиться, у Владыки-Архипастыря поблагословиться, и на сироточекъ, дѣтокъ Божіихъ, поглядѣть, поутѣшиться, какъ они здѣсь страху Божию, уму-разуму и добрымъ правамъ научаются.

А уже отъ 17 Мая Свято-Тихоновская обитель и во все лѣто до глухой осени полною жизнью живетъ. Сюда всѣ нигде миссіейной работы стягиваются, отсюда во всѣ концы Руси Американской совѣтъ и руководство подается, ибо здѣсь тогда и сердце и глава Миссіи нашей. Въ скромномъ домикѣ, подальше къ склону монастырской горки, проводитъ обычно лѣто Высокопреосвященнѣйшій папъ Владыка Платонъ.

Говорятъ, неудобно монастырь нашъ расположенъ. Отъ желѣзной дороги далеко. Мѣсто прекрасное, но отъ всѣхъ бойкихъ пунктовъ отрѣзанное... «Есть», — какъ говорятъ моряки. И однако же, отъ раннего утра и до позднего вечера къ домику Владыки изъ ближнихъ и изъ дальнихъ приходовъ паломничество не прекращается, и священники и міряне, часто цѣлыя депутаціи. То и дѣло слышишь у балкона-террасы, который въ сей архіеріископской лѣтней резиденціи замѣняетъ и пріемную и канцелярію, и всю ту амфиладу комнатъ, какая обычно бываетъ въ архіерейскихъ домахъ, но которая, конечно, здѣсь отсутствуетъ, — «Слава Іисусу Христу!» Значитъ, чада духовныя пришли. — «На вѣки!.. Що у васъ?» — встрѣчаетъ ихъ Высокопреосвященнѣйшій хозяинъ. — «Та такъ, помолитися и куцыкъ побесѣдовать»... Ну, коли «куцыкъ», то угорцане. А безъ «куцыка» — галичане. Но этотъ «куцыкъ» обычно тянется очень даже долго... Люди рады, что своего свѣтлѣйшаго Владыку увидѣли, обласканы. — и не уходятъ. Такъ и сидятъ, пока не явится новый «куцыкъ» тоже для бесѣды... А погода жаркая, солнце не хочетъ, чтобы о немъ даже на минутку забыли, — и некупаться бы Владыкѣ въ прудикѣ,

подъ оврагомъ, да невогда: потомъ обливать-ся приходится, пока наконецъ грозный Власичъ не выглянетъ чуть не десятый разъ изъ дверей и не доложитъ, что обѣдь давно простыль, и если кушать не будутъ, то онъ убираетъ... И тутъ ужъ «несолоно хлебавши» не уйдешь, потому что на столѣ неизмѣнно знаменитый кулешъ изъ бурштейновской се-ледки съ пшеномъ красуется. Только и роскоши въ постные дни! Рѣдкій день не подни-ваетъ Владыка приѣзжающихъ своимъ сто-ломъ. Иногда недѣлями отдыхаютъ здѣсь болящія, недужныя, — кажется, будь домъ о десяткахъ комнатъ, не хватило бы помеще-ній. А тутъ — весь нижній этажъ — одна большая комната, имѣющая какъ и балконъ, массу назначеній: она и залъ, и столовая, и приѣмная въ дождливые дни, и комната для засѣданій духовенства въ дни съѣздовъ по епархіальнымъ дѣламъ... «Вы останетесь у меня» — радушно предлагаетъ Владыка новоприбывшему. Если же комнаты свободной нѣтъ, то паломникъ сдается на попеченіе сердечнѣйшему о. Веніамину... Ибо на вер-ху всего на всего двѣ миниатюрныхъ въ одно окно комнатки и почти всегда уже кѣмъ либо заняты... «А гдѣ же Ваши-то, Владыко свя-тый, покои?» — «О, у меня благодать и про-сторъ, глядите!»... Благодати-то много, по-жалуй, но насчетъ простора — спорить можно. Скромненькая комната съ балкономъ: съ бал-кона чудный видъ, ландшафтъ необъятный, глазъ не достигаетъ горизонта... Книгъ мно-жество по столу, по стульямъ, по полу, бума-ги — дѣла груды, — тутъ, значить, молельня, рабочій кабинетъ, но... «Гдѣ же спальня?» — невольно думаешь. И Владыка какъ бы уга-дывая недоумѣніе, сдвигаетъ подъ стѣнкой въ сторону часть библіотеки и предъ нами мона-стырская койка... «Къ вечеру не узнаете, — Власичъ у меня безпорядка не любитъ. А когда москиты не особенно голодны, лучшаго сна чѣмъ на балкончикѣ нигдѣ не най-дешь»...

Какъ бы въ восполненіе потеряннаго мною въ день отпуста, два раза позвѣте въ это лѣто я пользовался уже широкимъ госте-примствомъ. Высокопреосвященнѣйшаго Архиаствыря. Первый разъ — къ празднику «Фортъ офъ Джулай». Ну, и жарница была 3 и 4 Іюля американскаго! И спрятаться отъ нея некуда. Часами не выходить я изъ ку-шални, стараясь освѣжить раскаленную еол-нечными лучами голову, и знаменитаго «сюр-призаго» дуна изготовленнаго овятъ такъ Власичемъ испробовать, и апполинариса мвессу выпить, и «вотер-айсу» тарелку съѣсть, и наконецъ, изнемогши, излившиися предъ Владыкой-Хозяиномъ, легъ, завернувъ голо-ву въ полотенце со льдомъ, въ постель... Вдыхаетъ и Владыка, но бумаги все шеле-стятъ, почта готовится, работа не пре-кращается... Жизнь идетъ своимъ чередомъ: является въ свое время десятивершковый «инсургентъ», чтобы сдать пакеты на бли-жайшую станцію, приходили иноки за благо-словеніемъ... Но, за то, думаю, сегодня, въ такую жару хоть никто изъ окрестъ не явится съ «кущыкомъ бесѣды» къ Его Высокопре-освященству. Ибо, по человѣчески, мигъ пред-ставлялось это прямо немислимымъ... А по ступенькамъ, между тѣмъ, уже разда-лись грузные шаги. Видно, не одинъ, а нѣсколько человѣкъ явилось... — «О. Про-тоіерей, не хотите ли принять ихъ и спросить, зачѣмъ пришли, пока я тутъ бумажку кончу?» — окликаетъ чрезъ стѣнку Владыка... — «Ой, увольте, Высокопреосвященнѣйшій Владыко! Мозги не дѣйствуютъ, ноги не хо-дятъ... Помираю»... — «Ну такъ и быть, по-мирайте», — шутитъ Владыка, и самъ от-правляется внизъ, гдѣ только что пришед-шихъ Мейфильдцевъ скоро смѣняютъ Пас-сайкцы, Нью-Йоркцы и даже Питтсбур-жець!.. У нихъ, вѣдь, «свято» американское, свободны, такъ отчего же не порадовать оби-тель и Владыку своимъ посѣщеніемъ... И каждый поди думаетъ, что его-то именно здѣсь и ждали!.. Да и я то самъ, сколько ча-

совъ у Владыки своими «кущыками» бесѣды отпалъ!.. Первый разъ два дня, второй разъ три дня провель — вереница не прекращалась.. Вотъ такъ лѣтній отдыхъ для Архипастыря!

А Владыка съ присущею ему настойчивостью еще регулярно по англійски занимается, и неотступительно службы церковныя вечеромъ и утромъ посѣщаетъ, и самъ часто за отсутствіемъ іеромонаховъ, которыхъ въ сосѣдніе приходы для богослуженій посылать приходится, одинъ по священнически литургии служить, съ симпатичнѣйшимъ о. іеродіакономъ Никономъ, всегда расцвѣтающимъ при повѣствованіяхъ о томъ, какъ-де «мы съ Владыкою вдвоемъ прекрасно служимъ»... Причемъ, монахъ Кассіанъ, свѣщникъ, негодующе возражаетъ: ..«вдвоемъ!?!.. а меня развѣ при службѣ не было?».. и съ еще большимъ усердіемъ, послѣ необходимыхъ въ сихъ случаяхъ манипуляцій, рѣжетъ просфоры...

Ахъ, хороши эти богослуженія въ маленькомъ монастырскомъ храмѣ... Еще только разсвѣло, по травкѣ роса огненной слезкой горитъ, снѣшггъ братія, окатившись свѣжей водой, въ церковь. Сюда же спротки изъ приюта бѣгутъ, здѣсь изъ нихъ пѣвцы и поочереды и чтецы для часовъ и апостоловъ набираются. По этой части нашъ приютъ кому угодно примѣръ подастъ. На клиросѣ братія и дѣти стараются, мелодіи — изъ старинныхъ отечественныхъ обителей занесены: задушевныя, витіеватыя, красивыя, молитвенныя... Вотъ и обѣдня кончилась, а изъ оконъ приютекой трапезы еще чуть не часъ звонкое дѣтское пѣніе раздается, все божественное, ибо начальница — особа тоже набожнѣйшая, и акаѳисты выше иной литературы уважаетъ...

Вечера несказанно въ обители хороши. Когда въ церкви отмолятся, и на свѣжемъ воздухѣ чай съ вареньемъ, а въ скоромный день съ молочкомъ распивать начнутъ, бесѣды все идутъ хорошия, дружелюбныя. Анна Андреевна видѣнья свои рассказываетъ... Раннія

звѣздочки на небѣ загораются, покойно, хорошо... И въ комнаты долго не тянетъ. «Кашу варить», — предложитъ кто нибудь. Благодаритъ Владыка, и мигомъ разложили костеръ, подвѣсили котелокъ, зашипѣла вода... Вѣтерокъ поддуваетъ огонь... Съ сброва-тымъ дымкомъ понеслись наши думы далеко-далеко, въ свою дальнюю родную сторонущу, къ своимъ селамъ и деревнямъ, къ роднымъ, къ друзьямъ, къ счастливому беззаботному дѣтству... Молчать все, задумались, замечтались...

Готово! Молитесь!.. И «Отче нашъ» оглашаетъ вечерній воздухъ... Просторъ!.. Никому никто не мѣшаетъ!.. Здѣсь все свое, родное, святое!.. Своя православная земля!..

Привѣтъ тебѣ, нашъ милый, православный, дорогой уголокъ! Привѣтъ тебѣ въ день Ангела твоего, святая наша обитель, и всехъ насельникамъ твоимъ! Молитвами Архипастырей-Святителей, зѣло возлюбившихъ тебя, да ущедритъ Господь тебя милостями великими Своими! Привѣтъ и далекому Архипастырю-Именинику — твоему строителю!..

Безъ конца посѣщаль бы Свято-Тихоновскій монастырь, но лучше часто не прѣзжать: такъ тяжело, побывавши въ немъ, послѣ уѣзжать оттуда.

А. Х.

«о»

По Штатамъ и Аляскѣ.

Изъ дорожныхъ впечатлѣній спутника
Его Высокопреосвященства.

Соборъ въ Ситкѣ.

Осмотръ Ситкинскихъ древностей и достопримѣчательностей Высокопреосвященнѣйшій Владыка началъ, конечно, съ Ситкинскаго Архангело-Михайловскаго храма. Тутъ интересъ соединялся съ практической необходимостью. Эта центральная святыня не оказалась свободною отъ законовъ ветхости, и не смотря на циклопичность постройки,

массивность сруба и общую устойчивость, кое въ чемъ уже отдала дань времени. И мѣстному старостѣ съ причтомъ желательно было испросить совѣта и указаній Архипастыря, какъ быть съ ремонтомъ, когда и въ какой мѣрѣ его начинать, какія средства для сего использовать и т. д. Уже издали, когда мы еще только повернули на улицу, ведущую къ храму, Сергѣй Ивановичъ остановилъ вниманіе Владыки на крышѣ храма. Внимательному взгляду ставало замѣтнымъ нѣкоторое накрененіе кровли по правой отъ зрителя сторонѣ. Ничего опаснаго оно не представляло, хотя по зашлепнѣ старосты произошло въ связи съ пропорціональнымъ же осадкомъ пола лѣваго церковнаго крыла, какъ что все это крыло казалось какъ бы чуть чуть покосившимся въ сторону центра. По верхней части купола замѣтно было, что здѣсь уже происходилъ и не однажды ремонтъ. Объ этомъ въ свое время оповѣщалось и въ нашемъ «Вѣстникѣ». Новый крестъ былъ поставленъ, кровля покрыта свѣжей краской, и жестяные листы, которыми она защищена, забраны были въ особые деревянные обручи и сѣтку, предохранявшіе ихъ отъ срыва вѣтромъ. Какъ тутъ произведешь капитальный ремонтъ? Взглянешь издали, кажется дѣйствительно храмъ не изъ прочныхъ. Подъ срубомъ подложены булыжники какъ будто на скорую руку, а самый срубъ обшитъ снаружи досками, которыя никогда не даютъ постройкамъ характера надежности. Вотъ вотъ — кажется — все рухнетъ, разсыпется. А приглядишься поближе, и ахнешь: ну, и неполинекія же бревна и балки! Да они еще вѣка выстоятъ! Только по землѣ кое-гдѣ ни подались, подгнили, и ихъ надо замѣнить новыми, что Владыка и благословилъ сдѣлать въ слѣдующее лѣто, — тогда и полъ выпрямится; а въ остальномъ краснорѣчивѣе всего за себя говорилъ именно самый срубъ, который открывался во своей первобытности, какъ только посѣтители поднимались на колокольню. Сейчасъ же за первой лѣтницей,

мы вошли въ просторное помещеніе, и не могли не улыбнуться: здѣсь какъ будто именно въ доказательство устойчивости постройки, сложены были цѣлыми саженьми дрова для отопленія церкви въ зимнее время, и дрова въ сажень длиною, футъ въ діаметрѣ!.. Этакая тяжесть во второмъ этажѣ! А для башни это — перышко!.. А выше по той же башнѣ тоже нелегенькіе гигантскіе часы — сооруженіе Высокопреосвященнаго Иннокентія, — а еще выше восемь колоколовъ отъ 75 до 1500 фунтовъ вѣсу, и никакого трясенія! Недаромъ въ бывшее тревожное время индіанскихъ возмущеній простыя деревянныя постройки въ срубъ выдерживали сутками осады и пальбу изъ большихъ орудій. Умѣли отцы наши строить...

Очень интересными оказались эти башенныя часы Иннокентіевскіе. Отдѣльныя части ихъ выковывались и отливались здѣсь же на ситкинскихъ русскихъ заводахъ и кузницахъ, — все массивное, основательное и размѣровъ очень почтенныхъ... И вмѣстѣ съ тѣмъ, лезвіе простаго стального ножа остроумно приспособлено строителемъ-механикомъ къ сложному, громоздкому механизму для урегулированія размаховъ маятника! Вотъ ужъ дѣйствительно, дѣло мастера боится!

Пока Высокопреосвященнѣйшій Владыка восходилъ на самую вершину башни и разбиралъ надписи на колоколахъ, я дерзнулъ снять эту диковину — часы своимъ аппаратомъ, вопреки увѣреніямъ опытныхъ собратьевъ, что затѣя неосуществима: и темно, и неоткуда наставить фокусъ. Но «чѣмъ мы рискуемъ»? И то, чего никогда никѣмъ еще не было сдѣлано, совершилось успешно въ ознаменованіе посѣщенія сего мѣста первымъ русскимъ Святителемъ, побывавшимъ на Аляскѣ въ санѣ Архіепископа. И если этотъ снимокъ не въ полной ясности представитъ нашимъ читателямъ подробности строенія часоваго механизма, то уже не по винѣ фотографа, а по винѣ печатнаго пресса, для ко-

торого всякія реликвиі звукъ пустой... А часы эти, дѣйствительно, реликвія; они уже давно «не ходятъ» и блондуются нынѣ только какъ памятникъ, съ любовью, какъ и все старое русское въ Ситкѣ, охраняемый заботливымъ попеченіемъ С. І. Костромитинова. Можно

Инокентіевскіе часы въ Ситкѣ

было бы ихъ и поправить, да механика настоящаго нѣтъ. Прибыль—было одинъ, да такъ заинтересовался своеобразными часами, что хотѣлъ во что бы то ни стало съ собою забрать ихъ. «Поставлю, говоритъ, вамъ новые башенные гарантированные часы и 1,000 долларовъ дамъ въ придачу, только уступи-

те». Конечно, не уступили. А С. І. Костромитиновъ такъ сего натиска утратился, что даже посторонней публикѣ входъ на башню воспретилъ, хотя слава про часы далеко пошла. Черезъ годъ откуда-то, чуть не изъ центральныхъ Штатовъ, новый любитель пріѣхалъ: «часы, говоритъ, сказываютъ, у васъ есть какіе-то особенные, такъ я не гляди даю вамъ за нихъ 2,000 долларовъ»... — Да что вы съ ними дѣлать будете?.. «Какъ что? Подъ стекло, конечно, и въ витринѣ за деньги показывать публикѣ буду»... И тутъ не отдали. Еще бы! Часы изъ Ситкинскаго собора выпнуть да на сторону отдать — что кусокъ живаго мяса изъ тѣла человѣческаго вырѣзать. Тутъ все такъ уже сжилося, сдружилось въ нѣчто общее, неразрывное, что и думать о семъ грѣшно. Староста просто оживаетъ чуть на эти темы разговоръ пойдетъ. Улыбается. Увидитъ на чемъ пылинку — стряхнетъ. Чистота въ Соборѣ удивительная. Обрадовался онъ, что наша дорожная ризница помятой и не совсѣмъ свѣжей оказалась: послѣ такогото пути, Гарсгорна, да діаконскихъ «секретовъ» съ укладкою поверхъ крышки сундука — что свѣжее будетъ?!.. «Мы, говоритъ, вамъ приготовимъ все акуратненько»... А послѣ вотъ вмѣсто саккоса «жилетъ» и положили...

На сей разъ Владыка хозяиномъ быть, а когда туристы приходятъ, то С. І. Костромитиновъ непременно порядокъ и постепенность въ осмотрѣ блондетъ. Въ притворѣ по стѣнѣ подвѣшены прекрасные фотограф. снимки ризъ, евангелій, крестовъ, чашъ, дарохранительницы и другихъ достопримѣчательностей хранящихся въ алтарѣ собора, куда посѣтители не допускаются. Отворяются двери, а взоръ посѣтителя невольно приковывается сразу же къ иконостасу украшенному двѣнадцатю въ богатыхъ серебряныхъ ризахъ и роскошными богатыми орнаментаціей царскими вратами. Сюда пошло свыше 50 фунтовъ серебра! Къ сожалѣнію, кромѣ центрального купола, большаго круглаго, своеобразнаго обтянутаго по стѣшкамъ недорогой

тканью, потолки вообще очень низки, что въ алтарѣ, при огромныхъ размѣрахъ послѣдняго, особенно замѣтно. По соображеніямъ практическимъ, лѣвый придѣлъ отгороженъ особой разборной стѣнкой и обращенъ въ теплый на зиму параклисей, что лишаетъ остальной храмъ симметріи. Высокопреосвященный Владыка посоветывалъ, если къ тому не представляется особой трудности, на лѣто снимать эту перегородку, отъ чего общій видъ храма значительно выиграетъ въ благолѣпіи, такъ какъ взору богомольца сразу видѣть будетъ и иконостасъ во своей цѣлости, и форма креста, положенная въ планъ строителемъ Высокопреосв. Иннокентіемъ, обозначится вполне ясно.

Но не проще ли будетъ желающимъ поподробнѣе ознакомиться съ достоіемъ и сокровищницей Ситкинского Собора — лично пожаловать въ Ситку, или вооружиться очеркомъ игумена Антонія, помѣщеннымъ въ «А. П. Вѣстникъ» за 1899 годъ. Я же воспроизведу изъ него только немного, что хотѣлось бы запечатлѣть въ памяти, какъ имѣющее цѣнность историческую и вообще связанное съ прошлыми судьбами этой когда то русской страны. Итакъ, прежде всего, предъ иконою Тайной вечери вы увидите большую лампаду — даръ команды брига «Полифемъ» отбывшаго въ 1838 году въ трудную экспедицію плаванія въ Тихомъ океанѣ. Въ иконостасѣ — образъ небеснаго покровителя храма Архистратига Михаила, чудесно вынесенный на морское побережье съ поглощеннаго океаномъ, фхавшаго въ Ситку судна «Нева». Далѣе, икона свв. Зосимы и Савватія — молитвенный даръ команды корабля «Наслѣдникъ» потерпѣвшаго крушеніе въ половинѣ прошлаго столѣтія, спасенной милостью Божіей. Въ алтарѣ — крестъ вполеемской работы съ частицей Животворящаго Древа: — крестомъ этимъ благословилъ митрополитъ Исидоръ Высокопреосвящ. просвѣтителя Алеутскаго Иннокентія. За престоломъ большая икона Спасителя, некогда

солдатами соединенной эскадры, воевавшей противъ Россіи въ 1855 году. Тутъ же, недалеко, икона Божіей Матери, сдѣланная изъ слоновой кости, рѣзная, значительныхъ для такого матеріала размѣровъ. Въ алтарѣ же икона Воскресенія Христова написанная на доскѣ изъ дерева дубравы Мамврийской, что въ Хевронѣ, и освященная въ Виллелемѣ, на мѣстѣ Рожденія Спасителя и на Гробѣ Господнемъ, съ собственноручной подписью на ней блаженнѣйшаго патріарха Никодима. И, наконецъ, въ лѣвомъ придѣлѣ, главное сокровище Ситкинского Собора — икона Казанской Божіей Матери, о которой мы уже писали и въ честь которой и самый придѣлъ названъ Казанскимъ. Вотъ какъ повѣствуетъ о ней о. Антоній:

«Это перлъ благочестиваго русскаго духовнаго искусства и внятиѣйшая всякому зрѣнію и умному чувству святыня чистаго искусства. Лишь Пречистой Дѣвы Маріи и Богомладенца — «кротче звѣзднаго сіянія» и самаго тихаго свѣта... Кистью художника нарисовано небесное лице невыразимаго прираженія. Все обаяніе и повизна этого типа церковнаго искусства заключается въ его неоспоримѣйшей вѣрности и соответствіи духу чистаго и глубоководновеннаго творчества.

«The Virgin and Child C. Cignani, Св. Семейство Р. Morando, трогательная картина Пелусова Богомладенчества С. Dolce, непередаваемая простота въ изображеніи того же агиографическаго предмета безсмертнымъ Murillo, ни строгій стиль Perugino, съ гениально размашистыми версиями у R. Sanzio отъ его della Sedia, Madonna di Tempi, Granduka до Madonna di San Sisto — все это палчье и величье всеобъемной и безсмертной славы творчества не мѣшаетъ скромному чудному русскому образу, исторгающему у вздрающихъ вздохъ молитвы и благоговѣйнаго проясненія, стоять на всей высотѣ своей ортодоксальной типичности, экспрессивной легкости и чарующей силы. Далекому путешественнику страны водопла-

не представляется вѣроятна возможность перенести въ Казанскій соборъ Спасскаго храма: верховенствует во всемъ изчерпательная искусство Мадонна Спасская, но божественно чудна православная Мадонна Спасская!

И еще въ томъ же предѣлѣ заслуживаетъ вниманія изображение Скорбящей Божіей Матери, въ жемчужной ризѣ, съ сребро-позлащенными украшениями, и Смоленская икона Божіей Матери хорошаго, живого письма и замѣчательной судьбы. Когда во время того вооруженнаго индіанскаго движенія, о которомъ мы скажемъ ниже, дикари ворвались въ церковь и начали разрушать предметы христіанскаго чествованія топорами, ножами, выстрѣлами, Смоленская икона Божіей Матери, держимая двумя ангелами, молниеносно явилась и тутъ свою небесную защиту: ожесточенные варвары нанесли ей копьемъ одну рану, которая и теперь укоризненно зияетъ на священномъ лицѣ, какъ искушительныя язвы Божественнаго Ея Сына, или какъ шрамъ на лицѣ Ченстоховской иконы Божіей Матери».

Долго оставался въ храмѣ Его Высокопреосвященство, съ благоговѣніемъ осматривалъ ея святыни, въ чемъ потребно, давая по части ремонта храма указанія, перелистывая въ церковномъ архивѣ документы, подписанныя митрополитомъ Иннокентіемъ и Барановымъ, и затѣмъ пожелалъ еще разъ обойти и оглядѣть весь храмъ вокругъ снаружи.

— Ну, Сергій Іоновичъ... Храмъ вашъ, Богъ дастъ, еще долго-долго насъ переживетъ!.. поблагословилъ обрадованнаго старосту Владыка.

Дѣйствительно, сколько протекло десятилѣтій отъ знаменительнаго 20 Ноября, 1848 года, когда этотъ соборъ Преосвящ. Иннокентіемъ былъ построенъ, а крѣпости его могли бы позавидовать многія изъ новѣйшихъ нашихъ полукаменныхъ даже церквей! И это въ сыромъ климатѣ, гдѣ дожди льютъ чуть не ежедневно и въ такомъ обиліи, что люди,

сидя въ дождевыхъ шапкахъ и не выходя изъ дому.

Многіе изъ иностранцевъ думаютъ, что Соборъ этотъ еще Барановъ строить, другіе въ свои описанія помѣстили догадку, будто на этомъ же мѣстѣ стояла прежняя Троицкая русская церковь. Не зная мѣстной исторіи, эти туристическіе описатели погрѣшаютъ. Церковь, правда, Троицкая въ Ситкѣ была, но стояла она тамъ, гдѣ теперь православное кладбище находится. Церковь небольшая, отнюдская, вродѣ каплички, деревянная. Печальную ея судьбу разсказалъ въ 1908 г. бывший учитель Ситкинской школы, нынѣ іеромонахъ Павелъ Чубаровъ, на страницахъ нашего же журнала.

«Въ Ситкѣ, въ 1855 году, разыгралась трагедія. Вслѣдствіе какихъ-то недоразумѣній между русскими солдатами и колошами, однажды одинъ солдатъ на Японскомъ островѣ подвергся нападенію со стороны дикарей, когда былъ командированъ туда рубить дрова. Онъ поднялъ крикъ и для его выручки изъ русскаго селенія была снаряжена шлюпка съ людьми. Однако колоши успѣли скрытсѣ, прежде чѣмъ шлюпка подошла къ острову. Губернаторъ Воеводскій, разспросивъ израненнаго солдата о случившемся, послалъ къ индійцамъ переводчика и потребовалъ выдачи виновныхъ. Но ему было отказано. Тогда изъ крѣпости на индіанское селеніе была направлена пушка и пущено ядро съ такимъ расчетомъ, чтобы никому не нанести вреда и въ то же время напугать жителей селенія. Но колоши, какъ одинъ человѣкъ, взялись за оружіе, ворвались въ Троицкую кладбищенскую церковь, — которая была расположена вдоль пограничной стѣны, отдѣлявшей Ново-Архангельскъ отъ селенія индіанъ, — и направили на крѣпость ружейный огонь. Съ разрѣшенія духовныхъ властей открытъ былъ и съ крѣпости отвѣтный огонь на церковь. Русскіе стрѣляли изъ ружей и пушекъ, такъ что не только двери и окна, но и вся южная стѣна церковнаго зданія была пробита ядра-

ми и пулями. Церковный помостъ обрызгался кровью убитыхъ и раненыхъ...

Но, конечно, съ пушками шутки плохи. — и потому засѣвшие въ церкви не могли обманываться относительно исхода сраженія. Посему, предвидя неизбежное поражение, они гасили свой военный пылъ на предметахъ церковной обстановки: сбрасывали со стѣнъ св. иконы, кололи, ломали, топтали ихъ и разрушали почти всю церковную утварь. Наконецъ, послѣ цѣлдневной «осады», церковь была взята приступомъ, а индѣйцы, надѣвши на себя церковныя облаченія, съ неистовыми криками обратились въ дикое бѣгство.

Въ теченіе двухъ лѣтъ послѣ проществія церковь оставалась въ запустѣніи. Въ 1857 году, по благословенію Высокопреосвященнаго Архіепископа Иннокентія, она вновь была освящена. Затѣмъ, въ 1871 году Преподобный Іоаннъ, за ветхостью и ненужностью, разобралъ ее и лѣсъ употребилъ на ремонтровку Михайло-Архангельскаго собора, а на мѣстѣ, гдѣ стоялъ престолъ разобранной церкви, поставилъ небольшой памятникъ-часовенку и вложилъ въ него крестъ, находившійся подъ престоломъ бывшей церкви и свидѣтельствующій о событіи вторичнаго ея освященія. Надпись на немъ такая: «Сей Святой Престолъ и Храмъ во Имя Пресвятыя и Живоначальной Троицы Марта 11-го дня 1855 года, по Пощенію Божію былъ разоренъ и обезславленъ Колонами. Вновь же по Благословенію Архiepастыря, Высокопреосвященнѣйшаго Архіепископа Иннокентія, по Благодати Божіей, Освященъ Февраля 2-го дня 1857-го года, въ день Срѣтенія Господня въ Субботу. Свидѣннодѣйствіе Освященія Совершали Каоедральный Протоіерей Петръ Литвицевъ, Геромонахъ Воиофатій, священникъ Георгій Виокуровъ, протодіаконъ Петръ Берденниковъ, и иподіаконъ Николай Чеченевъ».

Въ 1908 году часовенка эта до того обветшала, что рѣшено было замѣнить ее по-

вой. Починъ этотъ взяло на себя мѣстное Николаевское Братство, а мѣстный русскій старожилъ Шергинъ успѣшно выполнилъ эту задачу, и новая часовня 6 Декабря 1907 года уже была освящена.

Часовня на мѣстѣ Троицкой Церкви въ Ситкѣ. Впереди С. І. Костромитиновъ.

Теперь вокругъ нея разсыяны могилы. Обильно ими русское кладбище, — видно смерть здѣсь частая гостя. Но какъ то забываешь о смерти въ этомъ лучшемъ уголкѣ Ситки... Возвышенное мѣсто, на высшей точкѣ его площадка, а съ нея въ ясный день непредаваемый словомъ видъ въ даль на море, на островки, на очертанія высокихъ горъ... Часами стоялъ бы здѣсь, наслаждался этими

данными красотами... Но когда случилось намъ тамъ быть, солнце не было милостиво, вкрадывался дождь, и мы, наскоро совершивъ молитву у часовни и поклонившись могилкѣ недавно почившаго труженника Миссионар. Б. Лаврентія Кашеварова, поспѣшили оставить эти поэтическія мѣста...

(Продолженіе слѣдуетъ.)

А. Х.

Походъ спасителей на нечестивую Русь

или какъ баптистская лисичка слопать русского медвѣдя собиралась.

Шпіонство русское, деспотизмъ, средневѣковыя пытки, Сибирь, каторга, кнутъ и пр. и пр. прелести, — словомъ все, чѣмъ такъ старательно извинчиваютъ руссофобская жидовствующая, если не сказать прямо — жидовская, пресса въ Америкѣ своихъ доверчивыхъ читателей, потускнѣло предъ тѣми ужасами, какими характеризовали нашу Русь милѣйшіе русскіе баптистскіе делегаты, прибывшіе на конференцію т. н. «Мірового баптистскаго Союза» (Baptist World Alliance) въ Филадельфію въ первыхъ числахъ минувшаго Іюня. Вѣхали ли они сюда съ определеннымъ намѣреніемъ блистать здѣсь въ ореолѣ мучениковъ, — не знаемъ, но здѣсь во вкусъ этой роли вошли, а услужливые лидеры баптизма, привезшіе ихъ въ Америку, использовали ихъ присутствіе въ своихъ цѣляхъ наиболѣе широкимъ образомъ. Очевидно, девизъ «цѣль оправдываетъ средства» — къ стику баптистовъ элементъ очень прочный...

Тошно было читать, какъ предъ тысячами делегатовъ «Мірового Союза» ломались по цѣлымъ днямъ самозванные спасители «не-христіанской» Руси, рассказывая сказки: какъ бахвалились, выливая цѣлыми рѣками на Россію всякую грязь... Публика неистовствовала, готова была разнести наше правительство вдребезги, входила въ азартъ

и... подъ горячимъ впечатлѣніемъ облапошена была своими же заправилками чуть не на 100,000 долларовъ... на постройку спасительной станицы въ С. Петербургѣ — баптистской семинаріи!.. Этого мало: была предназначена еще болѣе кругленькая сумма — миллионъ долларовъ на сооруженіе баптистскаго европейскаго университета, и тоже, если не окажется къ тому какихъ либо непреодолимыхъ препятствій, въ С. Петербургѣ!.. «Россія» прямо не сходила съ языка ораторовъ, а за ними подъ ихъ диктовку и газеты перемывали Русь на всѣ косточки. «Міровой Союзъ», видите ли, усмотрѣлъ, что нынѣшняя Россія — самое благоприятное поприще для баптисткой пропаганды, почва — де самая подходящая, а народъ — идолопоклонники, нехристіане, — спасать ихъ хоть силкомъ, а надо! Оно и немудрено: вертѣться въ Америкѣ баптистамъ какъ бѣлкѣ въ колесѣ пріѣлось и тошно: храмы пустуютъ, не все же неграми свои ряды наполнять!.. Въ страны языческія, не слыхавшія никогда о Христѣ, идти незачѣмъ: тамъ и трудно, и неинтересно. И не клеветь!.. Съ мусульманствомъ бороться — пробовали, но, увы, и миллионы долларовъ не дали больше нѣсколькихъ единицъ добычи... А вотъ Россія — дѣло иное! Тутъ въ мутной водѣ рыбки отчего не половить!.. Средствъ мало?... Можно привлечь, — стоитъ каторжниковъ на сцену выпустить и демонстрировать: первохристіанскіе мученики... А публика чувствительная сейчасъ за кошельки: «ахъ, варвары, ахъ изверги!»... И не стѣсняясь послѣ въ газетахъ про свою такую ловкость рассказываютъ: какъ публику подвигивали, какъ жалость и негодованіе возбуждали, чтобы потомъ пѣнки снять... Программа до мелочей разработана была. Вначалѣ конференція недоумѣвала: зачѣмъ, дескать, понадобилось столько тысячъ ухлопать на выписку въ Филадельфію русскихъ делегатовъ... А когда послѣ одного за другимъ нѣкій др. Шекспиръ на платформу сталъ выводить, и біографическія данныя о нихъ рассказывать, тутъ загад-

ка объяснилась, и недоумѣніе разсѣялось... Доказательствъ, впрочемъ, что кое-кто изъ этой публики на каторгѣ бывалъ, не требовалось: достаточно было взглянуть на физиономію... А кто на каторгѣ не былъ, и кого не били, не терзали, кому глазъ не выкалывали, кого за волосы и пальцы не подвѣшивали, о тѣхъ по иному повѣствовалося, дабы жалость въ публикѣ не остывала... Прибывшую въ Россію г-жу М. Н. Я. — такъ на сценѣ конференціи представляли: дочь — де барона, отреклась отъ всего, что имѣла, отъ знатныхъ связей, раздала имущество и стала нищей, Христа ради... А на дѣлѣ баронессой эта пасторша никогда не была, что же касается нищенства, то если хорошая барская квартира въ Петербургѣ привиллегія нищенства, то на такое христарядничаніе охотниковъ миллионы найдутся... И эта «дочь барона» приняла какъ должное рукоплесканія тысячной толпы!... Между тѣмъ, она прекрасно говоритъ по англійски!... *Ad majorem gloriam...* баптизма?..

Однако, прошла минута, когда самые безшабашные ораторы почувствовали, что зарпортовались: — вѣдь придется еще въ Россію возвращаться... Да и публика стала недоумѣвать: если въ Россіи такая нетерпимость, то какъ рискнуть эти делегаты назадъ ѣхать? Но денежки уже были собраны, службу делегаты русскіе сослужили, и вотъ начался отбой: Русскій Царь — де тутъ не причемъ, манифесты 1905 года дали баптистамъ свободу, и т. д. — а чтобы и вовсе замести слѣды свои, делегаты даже Русскому Посольству въ Вашингтонѣ оказали сомнительное удовольствіе своимъ посѣщеніемъ... И чуть ли не своимъ незнаніемъ англійскаго языка и тѣмъ, что захвачены были — дескать — врасплохъ, экцессы конференціи и газетные отчеты о бесѣдахъ своихъ объяснить пытались... А въ это же другая депутація отъ той же конференціи къ президенту Тафту являлась — покровительства его просить несчастнымъ русскимъ баптистамъ!..

И кромѣ того, избраны были два депутата, которымъ поручено было съѣздить въ Россію, на мѣстѣ обследовать положеніе дѣла, и заявить Русскому Царю буде нужно, что нынѣ двадцатый вѣкъ, а не XV-й, и что устройство баптистскаго университета въ Петербургѣ или Москвѣ — спасеніе для нехристіанской Россіи!.. Если же окажется, что такое спасительное предложеніе встрѣтитъ противодѣйствіе въ Россіи, то ограничиться пока семинаріей, а университетъ устроить въ Берлинѣ или иномъ большомъ городѣ...

Такъ все это грозно было, что и представитель негритянской расы на конференціи, пзвѣстный Букеръ Вашингтонъ, воодушевился и, проведя параллель между освобожденіемъ крестьянъ въ Россіи и освобожденіемъ отъ рабства негровъ въ Америкѣ, прокричалъ: «Мы, негры, готовы послать евангельскій свѣтъ несчастнымъ темнымъ русскимъ!..»

Неужели? Скажите, пожалуйста!

А Фетлеръ С. Петербургскій, разрисовывая положеніе баптистовъ въ Россіи, заявилъ, между прочимъ: .. «видѣть я во дворцѣ (—и охота пускать такихъ господъ во дворцы! —) руку св. Іоанна Предтечи... Его ли рука это — не знаю, знаю только, что она мертва... А вы подайте намъ руку помощи живую!»... Очень это делегатамъ понравилось и даже плотки у нихъ охрипли отъ усердія въ «урѣ»...

Однимъ словомъ, — если про Мальбрука собравшагося въ походъ писать при закрытыхъ форточкахъ не приходится, то Пальмерстона всетаки, когда перечитывалъ отчеты о засѣданіяхъ этой баптистской конференціи, я не могъ не вспомнить:

«И въ воинственномъ азартѣ
«Воевода Пальмерстонъ
«Поражаетъ Русь на картѣ
«Указательнымъ перстомъ»...

Дурачье самовлюбленное!

X

О той же лисичкѣ или северные планы.

Итакъ, баптисты устремили свои алчные взоры на Россію. Собираются ее во что бы то ни стало просвѣтить. За деньгами не постоятъ — это очевидно: въ распоряженіи ихъ миссіи милліоны долларовъ. Обвиняя другихъ въ нетерпимости, — они сами оставляютъ даже римо-католиковъ по этой части далеко за флагомъ. По ихъ воззрѣнію — только они спасенные христіане. Значитъ, Россіи и Церкви Русской придется вынести сильный натискъ новыхъ супостатовъ.

Не стѣсняясь, лидеры Конференціи заявили, что преимущественнымъ полемъ ихъ операціи будетъ Россія. Нива, дескать, ждетъ дѣятелей. Но общіе-то планы у «Мірового Союза» пошире: разъ «міровой», то на весь міръ и простираются они.

Вотъ какъ расписываютъ они въ газетахъ свои заманчивыя перспективы:

Учрежденіе религіозной и гражданской свободы среди всеѣхъ націй по всему міру, *особенно въ Россіи* (какъ же можно безъ *особенно?*), всемірная религіозная реформація, конія реформація XV-го столѣтія, вотъ общая политика, какой будетъ держаться Баптистскій Міровой Союзъ въ теченіи послѣдующихъ пяти лѣтъ подъ предсѣдательствомъ Др. Роберта Стюарта МакАртура.

Восемь лидеров секты будутъ руководить этимъ огромнымъ предпріятіемъ, подкрѣпляемые 8,000,000 народа разсѣяннаго по всему свѣту. Можно надѣяться, что это вліяніе будетъ настолько сильно, что правительства передовыхъ націй на землѣ соединять усилія въ цѣляхъ обезпечить давножданную религіозную и гражданскую свободу. Баптисты не имѣютъ въ виду дѣлать такое движеніе въ пользу свободы конфессіональнымъ.

Огромное движеніе это *будетъ центромъ имѣть Россію*. И отсюда — есть надежда — реформація разойдется по всему міру. Движеніе это въ проэктъ — не что иное

какъ великая *кампанія* (Развѣ не пахнетъ Мальбрукомъ?..) *наиболѣе взрывчатого и всесметающаго характера*. Др. МакАртуръ ожидаетъ, что во многихъ мѣстахъ будетъ практически необходимо усиливать реформацію чудовищными суммами денегъ и обиліемъ работниковъ, но всегда мирно и въ интересахъ мира! Онъ заявилъ: «Въ пятнадцатомъ столѣтіи Реформація имѣла своею колыбелью Чехію, гдѣ 8,000,000 народа обращено были въ протестантство. Это распространеніе новой мысли и религіозной независимости собрало силу подъ предводительствомъ Іоанна Гусса, и приобрѣло настолько широкій престижъ, что *Богемія посадила на тронъ протестантскаго короля...*»

«Я совѣщался со многими руководителями «Мірового Союза». Ихъ идея та, что нынѣ величайшая эра для реформаціи не только баптистовъ, но и всего христіанскаго міра. Нѣкоторые изъ нихъ идутъ такъ далеко, что заявили, что такая сильная организація какъ Міровой Союзъ можетъ сдѣлать въ пять лѣтъ въ Западномъ полушаріи больше чѣмъ сдѣлано было въ послѣдніе сорокъ одинъ годъ.

«Положеніе въ Россіи *самое неотложное*. Много значенія будетъ имѣть посѣщеніе др. Кромвелемъ и др. Мейеромъ этой *мекки* (ого!). Ихъ посѣщеніе, если имѣетъ быть, должно состояться немедленно. Насъ освѣдомилъ др. Шекспиръ и другіе знакомые съ положеніемъ дѣла въ Россіи, что *преслѣдованія тамъ существуютъ*. Если это будетъ удостовѣрено, первый ударъ будетъ сдѣланъ Россіи»...

Восемь лидеров будутъ заправлять этимъ движеніемъ, одинъ изъ нихъ СПБ. Фетлеръ. Семь изъ этихъ лицъ совѣщались уже, приготовляя, какъ они сами выразились, бомбу... Такъ широки были ихъ замыслы, что у случайныхъ слушателей мурашки по тѣлу пробѣгали...

Дѣйствія откроются въ Россіи. Первый шагъ будетъ сдѣланъ др. Кромвелемъ и др.

Мейеромъ — по обследованіи дѣла на мѣстѣ. Затѣмъ послѣдуетъ рапортъ о томъ, что слѣдовало бы далѣе предпринять. Если условія окажутся такими, какими они кажутся, то др. МакАртуръ и другіе лидеры временно передвинутся въ центръ дѣйствій съ цѣлью направлять удары (указательнымъ перстомъ...).

За этимъ шагомъ послѣдуетъ учрежденіе высшаго Баптистскаго Института въ С.-Петербургѣ, въ милліонъ долларовъ стоимости, и тогда миссіонеры и проповѣдники будутъ посланы въ огромномъ количествѣ на поле дѣйствій. Можно надѣяться, что тогда же поразительно увеличится количество природныхъ мѣстныхъ проповѣдниковъ и миссіонеровъ.

Это же движеніе раскинуто будетъ и по остальному свѣту. Дѣйствія перенесены будутъ въ каждую страну...

Всѣ засѣдавшіе въ собраніяхъ были увѣрены въ конечномъ успѣхѣ предпріятія. Они увѣрены, что подавляющее вліяніе тѣхъ, кто стоитъ за спиной предпріятія, сдѣлаетъ почти невозможнымъ для какаго бы то ни было правительства, расположеннаго въ оппозиціи, противостать такому непреодолимому движенію.

Довольно скверные планы, неправда ли?
Берегись, русскій православный міръ!

А. Х.

«О»

СТАРОЖИЛЫ АЛЯСКИ.

Югозападный берегъ Аляски — съ нѣкоторыми островами — занимаютъ алеуты.

Смежно, но сѣвернѣе ихъ, по берегу Бристольскаго залива, равно — на противоположной сторонѣ косы, отдѣляющей Тихій — отъ Берингова моря, живутъ эскимосы аглемюты.

Какъ тѣ, такъ и другіе здѣсь принадлежатъ къ православному исповѣданію.

У каждаго племени свое нарѣчіе. Но въ нѣкоторыхъ селеніяхъ говорятъ между собою исключительно по-русски, въ иныхъ, хотя по-

ловица населенія можетъ объясняться и понимать русскую рѣчь. Разговорнымъ англійскимъ языкомъ также весьма многіе владѣютъ, особенно въ заводскихъ мѣстахъ.

Впродолженіи 10-ти лѣтъ, по долгу службы своей, пишущему сіи строки приходилось часто и близко наблюдать жизнь, бытъ и нравы алеутовъ и эскимосовъ, на мѣстахъ постоянного обитанія — въ ихъ деревняхъ, свыше 15 счетомъ.

Аборигенъ Аляски, при своихъ природныхъ добрыхъ качествахъ — религіозности, смиреніи и послушаніи, удивительно безпеченъ и легкомысленъ. Довольствуясь малымъ, онъ не думаетъ о будущемъ. Есть же палатка или барабара, чтобы переночевать и кусокъ хлѣба, а то и юколы, чтобы пообѣдать. А не найдется, туземецъ потерпитъ какъ нибудь до удачнаго дня. Сытъ ли онъ голоденъ ли, все равно онъ спокоенъ.

Очень невѣрные шансы добыванія пищи развили у нихъ способность переходить безъ большого вреда для организма: отъ невѣроятнаго обжорства къ продолжительному голоданію и отъ крайней лѣни и неподвижности, дѣлящейся по цѣлымъ недѣлямъ, къ необыкновенной энергической дѣятельности втеченіи нѣсколькихъ часовъ, иногда даже дня — двухъ, пока того требуетъ уловъ добычи, напр. оленей (на сушѣ), нерпъ, сивучей, а прежде и бобровъ (на морѣ).

Но въ общемъ, я думаю, туземцы втеченіи года работаютъ не болѣе 1—2 мѣсяцевъ, остальное же время проводятъ въ полнѣйшей праздности, отъ которой они совершенно тупятъ.

Естественнымъ слѣдствіемъ отъ лѣни является цинизмъ. Ихъ эстетическія потребности понижены до минимума, требованія самаго элементарнаго комфорта отсутствуютъ.

Погруженные въ лѣнь, туземцы стремятся не къ тому, чтобы добиться болѣе полного удовлетворенія своихъ потребностей, а наоборотъ — къ сокращенію и къ сведенію ихъ до уровня первобытной жизни.

Лишь одна потребность царитъ въ темной жизни аляскинцевъ, — потребность къ охмеляющимъ напиткамъ и эта потребность удовлетворяется чрезвычайно широко.

Вообще лѣнь, распутство, а особенно пьянство, обоихъ половъ, это любимые среди населенія пороки, которые разѣдаютъ жизнь и

права туземцевъ, отдавая и претраждая имъ входъ въ небесный Божій чертогъ.

«Такъ, что и закрытіе лавокъ во многихъ глухихъ селеніяхъ, по исчезновеніи бобрового промысла, кажется, принесло болѣе хорошихъ послѣдствій, чѣмъ дурныхъ. Во 1-хъ — пьянство несомнѣнно сократилось, такъ какъ доставать муку и сахаръ на пиво стало затруднительно; во 2-хъ — население вернулось къ первоначальной своей пищѣ — рыбѣ, которая является единственно цѣлесообразной на Аляскѣ». (Изъ «А. Пр. В.»).

Но все же любители «спотыкаловки» и теперь нерѣдко разживаются продуктами для пива среди живущихъ почти въ каждомъ селеніи бѣлыхъ иностранцевъ — отбросовъ континента.

Нѣтъ такого ужаснаго положенія, котораго не вывели бы природные обитатели Аляски.

Зиму, особенно во время отхожихъ промысловъ (на берегового звѣря), проводятъ они въ бараборахъ или ямахъ, вырытыхъ въ землѣ и прикрытыхъ сверху травой. Тамъ на небольшомъ пространствѣ ютится нѣсколько мѣсяцевъ цѣлая семья въ ужасной грязи, при страшномъ холодѣ, съ осебщеніемъ вонючимъ перьячимъ жиромъ, голодая изъ трехъ дней два и есетаки не падая духомъ.

А настанетъ короткое аляскинское лѣто и алеутъ съ эскимосомъ цѣлые дни лежитъ и грѣется на солнышкѣ около рыбной рѣки, забывъ все свои минувшія бѣды.

Приготовивъ свой обѣдъ (чаще изъ рыбы) въ котелкѣ, повѣшенномъ на палкахъ, туземецъ тутъ же съѣстъ его, а потомъ лежа, возлѣ потухшаго костра и глядя въ небо, онъ долго и съ удовольствіемъ курить свою трубку, либо часами жуетъ «лемешину» и вполне доволенъ.

Свой день и лѣтомъ и зимой здѣшній житель начинаетъ довольно рано: съ 4-хъ, 5 ч. утра, къ 10—11 обѣдаетъ, потомъ до 3-хъ по полудни, когда чаюетъ, «отдыхаетъ», въ 5 — ужинаетъ, а въ 7 ч. укладывается на ночь.

Этой же жизнию и интересами существуютъ бокъ-о-бокъ съ алеутами и эскимосами — креолы. Правда, въ нѣкоторыхъ селеніяхъ, гдѣ привились начала культуры и гражданственности, послѣднимъ доступно и болѣе осмысленное и приличное существованіе, но обычная картина и жизнь креоловъ такова, что нарисована выше.

Къ слову сказать, извѣстный русскій публицистъ г. Меньшиковъ говоритъ о креолахъ:

«Креолы, метисы не представляютъ собственно никакого типа, никакой національности. Въ пестросоставленномъ тѣлѣ ихъ держится хилая, пестрая, разбитая, мозаичная душа, неспособная ни на какое величіе» (Изъ «Нов. Вр.»).

Вотъ въ настоящемъ занятія туземцевъ: промыселъ на берегового и морскаго звѣря, рыболовство, охота за дичью, — все это для домашняго обихода (продаютъ лишь шкуры съ красныхъ лисицъ отъ 5 до 20-ти штукъ въ годъ на промышленника, по цѣнѣ до 5 дол. за всякую), и отчасти поденная работа (рѣдко) въ торговыхъ компаніяхъ, гдѣ онѣ сохранились, а послѣдніе годы и работа на рыболовныхъ заводахъ.

Свящ. А. Кедровскій.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

ОФИЦИАЛЬНЫЙ ОТДѢЛЪ.

Къ свѣдѣнію Духовенства Пенсильванскаго округа.

Резолюціей Его Высокопреосвященства, Высокопреосвященнѣйшаго Платона, Архіепископа Алеутскаго и Сѣверо-Американскаго, отъ 23 іюля 1911 г., за № 622, настоятель Майфильдской церкви, священникъ *Василій Васильевъ* назначенъ *благодѣинымъ* Пенсильванскаго благочинническаго округа.

Редакторъ,

Каедральный Прот. А. Хотовицкій.